

- ³⁷ Там же, д. 1, л. 23.
- ³⁸ Там же, д. 42, л. 20.
- ³⁹ Там же, л. 10.
- ⁴⁰ Там же, д. 44, л. 12.
- ⁴¹ Там же, л. 13.
- ⁴² Там же, д. 1, л. 58.
- ⁴³ Там же, оп. 24, д. 42, л. 44.
- ⁴⁴ Там же, оп. 25, д. 1.
- ⁴⁵ Там же, д. 52, 54.
- ⁴⁶ Там же, оп. 47, д. 123.
- ⁴⁷ Современным аналогом части является административный округ, а участка – район.
- ⁴⁸ Хипес – вид преступлений, при котором проститутка или ее сообщник обворовывают клиентов.
- ⁴⁹ ЦИАМ, ф. 1293, оп. 2, д. 18.
- ⁵⁰ Там же, д. 5.
- ⁵¹ *Кошко А.Ф.* Очерки уголовного мира царской России: Воспоминания бывшего начальника московской сысской полиции. Т. 3. Негодяй. М., 2001. С. 162.
- ⁵² ЦИАМ, ф. 46, оп. 25, д. 89, л. 7.
- ⁵³ Там же, л. 9.
- ⁵⁴ Там же, ф. 1293, оп. 2, д. 17.
- ⁵⁵ Там же, оп. 1, д. 5, л. 3.
- ⁵⁶ *Торвальд Ю.* Век криминалистики. М., 1990. С. 42–44.
- ⁵⁷ *Мулукаев Р.С.* Общеуголовная полиция... С. 19; Вестник полиции. 1910. № 28. С. 497.
- ⁵⁸ ЦИАМ, ф. 46, оп. 25, д. 89, л. 17.
- ⁵⁹ Там же, д. 99, л. 68.
- ⁶⁰ *Кошко А.Ф.* Жестокие убийцы. Воспоминания начальника московской сысской полиции. СПб., 2009. С. 84–89.
- ⁶¹ *Мулукаев Р.С.* Общеуголовная полиция... С. 19.
- ⁶² Вестник полиции. 1910. № 27. С. 287.
- ⁶³ Там же. 1910. № 42. С. 488.
- ⁶⁴ ЦИАМ, ф. 1293, оп. 2, д. 6.
- ⁶⁵ Там же, ф. 1293, оп. 2, д. 6, л. 24.
- ⁶⁶ Там же, л. 26.
- ⁶⁷ *Фосдик Р.Б.* Организация полиции в Европе. Пг., 1917.
- ⁶⁸ *Заварзин П.П.* Жандармы и революционеры // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С. 137.

© 2011 г. А. Б. ГУЛАРЯН*

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ЖАНДАРМЫ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1894–1904 годах

В середине 1890-х гг. в российском революционном движении наметился новый этап. Время малочисленных тщательно законспирированных боевых организаций прошло. В начавшемся формировании массовых партий заметную роль играли эмигрантские газеты (прежде всего «Искра» и «Революционная Россия»), а также группы, распространявшие нелегальные издания. Революционерам противостояла хорошо отлаженная машина политического сыска, включавшая в себя Департамент полиции МВД, охранные отделения в столичных и наиболее крупных промышленных городах, Отдельный корпус жандармов и его местные органы – губернские жандармские уп-

* **Гуларян Артем Борисович**, кандидат исторических наук, доцент Орловского аграрного университета.

равления (ГЖУ), жандармско-полицейские управления железных дорог, розыскные пункты¹.

В то же время, имея очень слабую агентуру, жандармы зачастую осуществляли только общий надзор над подведомственной территорией. Во многом он облегчался тем, что на рубеже XIX–XX вв. провинциальное общество относилось к революционным идеям или отрицательно, или недоверчиво, и охотно помогало бороться с их распространением. Например, когда на Пасху 6 апреля 1903 г. в церкви поселка Паровозная Радица рабочий Семен Кандырев бросил в толпу листовки партии социалистов-революционеров, другой рабочий – И.Г. Богсанищев собрал их и донес о случившемся в полицию². 22 ноября 1903 г. в 11 часов стоявшая на платформе вокзала хорошо одетая дама бросила в вагон проходившего через Орел военного эшелона узелок с «Воззванием к новобранцам». Унтер-офицер Груздев тут же отобрал его у солдат и сдал железнодорожным жандармам. Жандармский унтер-офицер Седых, находившийся на платформе, опознал в пропагандистке местную жительницу Ханну Юдовну Шуэль, в тот же день выехавшую за границу, в Цюрихский университет³. 11 февраля 1904 г. помощник пристава города Ливны Орлов получил анонимный донос, в котором сообщалось, что вечером в доме купчихи Сорокиной на Соборной улице будут печататься нелегальные листовки. По указанному адресу Орлов арестовал с поличным ливенских уроженцев Т.П. Сорокина, Ш.З. Ландау, И.С. Булавина и С. Щеглова, у которых были изъяты гектограф и отпечатанные листовки⁴. Все они являлись студентами различных высших учебных заведений Москвы и Петербурга, приехавшими в родной город на каникулы⁵.

Но иногда «закрытость» провинциального общества мешала, особенно при координации действий местных и центральных учреждений, отношения между которыми были натянутыми, а иногда и враждебными. Провинциальные сыщики обвиняли своих столичных коллег в присвоении результатов их деятельности. Столичные чиновники в свою очередь нередко были недовольны качеством поступающей с мест информации. Чтобы проверить ее и получить недостающие сведения, в провинцию приходилось засылать секретных сотрудников Особого отдела Департамента полиции. Иногда это приводило к трениям между ними и жандармами⁶. Так, 2 марта 1904 г. во время подготовки визита Николая II в Орел пристав 2-й части Байковский арестовал по доносу хозяина гостиницы подозрительного человека, у которого изъяли 2 паспорта на разные фамилии, записную книжку и лист с адресами. Однако во время разбирательства выяснилось, что арестованный является сотрудником летучего отряда филеров Департамента полиции Н.М. Сергеевым⁷; на следующий день его отпустили с извинениями. Но 5 марта местная полиция задержала другого подозрительного человека, оказавшегося филером летучего отряда Ивановым. После этого начальник Орловского ГЖУ генерал-майор П.П. Сильницкий потребовал от директора Департамента полиции А.А. Лопухина объяснений⁸. Только тогда из Петербурга сообщили, что сотрудники летучего отряда под руководством старшего отрядного филера Е.Р. Тельнова тайно прибыли 29 февраля 1904 г. в Орел для наблюдения за обстановкой в городе и предотвращения возможного покушения на жизнь императора (в основном они разрабатывали связи местных социалистов-революционеров И.А. Цодикова и А.Н. Рейнгардта). О чужаках сразу же донесли в полицию. Ошибке способствовало и неправильное поведение Сергеева, предъявившего сначала фальшивый паспорт, затем настоящий, и только потом подписанное Лопухиным удостоверение Департамента полиции, которое воспринималось уже как очередная фальшивка. 24 мая 1904 г. Сильницкий был произведен в генерал-лейтенанты и уволен в отставку по болезни (мундиром и пенсией)⁹.

Орловская молодежь, разделявшая революционные идеи, оказывалась в изоляции и не решалась открыто выражать свои взгляды. Как вспоминал о своей юности уроженец г. Болхова Е.А. Преображенский, «единственная революционная ячейка состояла, по-видимому, из меня и моего товарища детства, сына местного купца Ивана Анисимова, впоследствии ставшего меньшевиком, и, кажется, эмигрировавшего вместе с белыми. Мы отпраивались с ним вдвоем за город в наиболее глухие места и выражали

наш протест против самодержавия пением “Марсельезы”, но так, чтобы никто, кроме нас, не слышал. Когда мы проходили мимо болховской городской тюрьмы – жалкого старомодного зданьяца, где обычно содержалось десятка два мелких воришек и конокрадов – наши мысли уходили к Крестам и Бутыркам, где томились дорогие нам борцы против самодержавного режима”¹⁰. «Вот в эту тихую пристань с издавних пор правительством ссылали под надзор полиции представителей всех существовавших революционных партий, – писал в мемуарах социал-демократ Б.С. Перес. – Здесь жилали Натансоны и Зайчневский, здесь в середине 90-х годов вырастала, среди поднадзорных по преимуществу, партия “Народного права”. Здесь впоследствии всегда было изрядное количество высланных социал-демократов»¹¹.

Общий надзор за состоянием умов жителей губернии осуществляло Орловское ГЖУ. Кроме него на ее территории действовали отделения Московского, Воронежского и Минского жандармских полицейских управлений железных дорог, а также Московское охранное отделение, считавшее «зоной своей ответственности» всю Центральную Россию¹². Именно оно вело наиболее важные политические дела в губернии. Департамент полиции регулярно предоставлял жандармам информацию, поступавшую из «черных кабинетов», занимавшихся перлюстрацией, и от заграничной и внутренней агентуры¹³.

Созданное в 1867 г. Орловское ГЖУ находилось в двойном подчинении: по линии оперативно-розыскной деятельности – Департаменту полиции, а по линии строевой, хозяйственной и инспекторской деятельности – штабу Отдельного корпуса жандармов¹⁴. В основной штат управления входили 4 штаб- и обер-офицера (начальник, два его помощника и адъютант) и 2 писаря, в дополнительный – 18–20 унтер-офицеров и 3 вахмистра жандармских пунктов в Орле, Брянске и Ельце¹⁵. Они набирались из солдат-сверхсрочников и ежегодно продлевали свой контракт с управлением¹⁶. Начальник ГЖУ санкционировал временные назначения и перемещения, принимал на службу унтер-офицеров, руководил следственными действиями, проводил смотры и работал с осведомителями¹⁷. Губернатору он не подчинялся и был в значительной мере самостоятелен в своих распоряжениях¹⁸. Его помощники наблюдали за настроениями и осуществляли следственные и розыскные мероприятия в Брянском и Елецком уездах¹⁹. Адъютант направлялся в командировки на места происшествий, при необходимости проводил следственные действия. Унтер-офицеры использовались для конвоирования арестованных, негласного розыска, а в чрезвычайных случаях выполняли функции общей полиции²⁰. В начале XX в. в Орловском ГЖУ появился свой отряд филеров. С 1900 г. в филеры был переведен унтер-офицер Стефан Извеков, в 1902 г. к нему присоединился унтер-офицер Афанасий Потапов, а в 1904 г. в отряд поступили еще 3 человека²¹.

Взаимодействие между Орловским ГЖУ и Московским охранным отделением обеспечило разгром партии «Народного права»²² – одной из первых революционных организаций, возникших в 1890-х гг. в России. Во главе ее стоял Марк Натансон, выдающийся революционер и талантливый организатор. В 1892 г. он переехал в Орел и поступил на службу в бухгалтерию Орловско-Грязинской железной дороги, куда устроил впоследствии и нескольких своих друзей²³. Ядро будущей партии составили М.А. и В.И. Натансоны, Н.С. Тютчев, А.В. Геденовский, И.И. Комарницкий, С.В. Сотников в Орле и А.И. Богданович, М.А. Ромасев, О.В. Аптекман, А.Л. Блек, П.С. Степанов, Е.М. Троицкая, жившие в других городах. Основную организационную работу вел Натансон, поимнивший всех известных революционеров, ездивший по стране, разыскивавший старых знакомых и договаривавшийся с ними о создании партии. К осени 1893 г. его орловская группа имела связи в Саратове, Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, на Кавказе²⁴. Но к этому времени деятельность революционеров уже привлекла к себе пристальное внимание Московского охранного отделения. Согласно официальной версии, зафиксированной в циркуляре Департамента полиции и оглашенной затем на суде, жандармы узнали об орловском кружке народоуправцев из письма революционера Ю. Кулябко, найденного во время одного из обысков. На самом деле, партия была

раскрыта провокатором, личность которого до сих пор не установлена²⁵. «Московское охранное отделение, – отмечал в своих записках генерал А.И. Спиридович, – занимало исключительное положение среди розыскных органов России и деятельность его распространялась далеко за пределы Москвы и губернии... Оно разгромило перед тем складывающуюся благодаря Натансону партию “Народного права”, арестовав по разным городам ее главарей и взяв в Смоленске ее типографию... Все это, а также другие успехи по преследованию революционеров были достигнуты отделением с помощью внутренней агентуры, то есть через тех членов революционных организаций, которые по тем или иным побуждениям давали политической полиции сведения о деятельности своих организаций и отдельных членов»²⁶.

После того, как подпольная типография народоуправцев отпечатала брошюру «Насущный вопрос», в которой излагалась программа новой партии, 21 апреля 1894 г. местные жандармы под руководством сотрудников Московского охранного отделения произвели аресты во всех городах, связанных с Орлом. Разгром был полный: в Петербурге при обыске у Виктора Чернова обнаружили склад нелегальной литературы, в Смоленске у Надежды Лебедевой – 1 тыс. экземпляров брошюры «Насущный вопрос», в Харькове у Андрея Лежавы – 3 пуда типографской бумаги²⁷. В результате, от учредительного съезда «партии» до ее разгрома полицией прошло всего полгода. Революционная организация была ликвидирована вместе с типографией и больше не возрождалась. Глубокая же конспирация привела к тому, что деятельность Натансона не оказала заметного влияния на общественную жизнь России, не исключая и Орловскую губ.

Почти одновременно с партией «Народного права» в 1894 г. в Орле появился кружок учащейся молодежи. Первоначально в него входили В.К. Родзевич-Белевич, В.А. Русанов, И.О. Дубровинский, А.Я. и Л.П. Никитины. В 1897 г. к ним присоединились О.А. Квиткин, К.М. Остров, А.В. Ильинский, а также А.И. Смирнов, М.С. Перес и другие²⁸. В 1894–1895 гг. в деятельности кружка участвовали также будущий черносотенец М.А. Минятов и зубатовец Б.А. Кварцев²⁹. Первоначально собрания кружка представляли собой открытый дискуссионный клуб, крайне неоднородный по своему составу. Кроме учащихся их посещали либерально настроенные местные интеллигенты, увлекавшиеся модным в то время маркизмом. «Тогда нередко были небольшие вечеринки, – вспоминал Борис Перес, – где собирались все поднадзорные, кроме того, кое-кто из местных – чаще всего молодежь, но иногда и либеральничающие “почтенные” люди, вроде редактора “Орловского вестника” Аристова, и тому подобные». По словам Переса, «вечеринки эти всегда включали в свой порядок дня какой-нибудь доклад по экономическим вопросам, затем немного пива, пения и немного разговоров – общих и группами»³⁰. Но скоро рефераты перестали удовлетворять кружковцев. В 1895 г. они попытались пропагандировать марксизм среди рабочих завода Мещерина и организовать профсоюз типографских рабочих. В этом году Орловское ГЖУ 13 раз регистрировало встречи членов кружка с рабочими³¹. Однако его сил было недостаточно для того, чтобы разгромить организацию, имевшую к тому времени разветвленные связи не только в местном обществе, но и в Москве, и в других городах.

К делу подключилось Московское охранное отделение, которым с 1896 г. руководил С.В. Зубатов (в 1894–1896 гг. он занимал должность помощника начальника охранного отделения). Как отмечал П.П. Заварзин, с 1898 г. служивший в корпусе жандармов, а в 1910–1912 гг. возглавлявший Московское охранное отделение, «в то время политический розыск в империи был поставлен настолько слабо, что многие чины его не были знакомы с самыми элементарными приемами той работы, которую они вели, не говоря уже об отсутствии умения разбираться в программах партий и политических доктринах. Зубатов первый поставил розыск в империи по образцу западноевропейскому, введя систематическую регистрацию, фотографирование, конспирирование внутренней агентуры и т.п.»³².

Одним из секретных агентов Зубатова стал студент Московского технологического института Б.А. Кварцев, выходец из Орла, получивший в охранном отделении псевдоним «Медведев». Он был завербован Зубатовым в 1896 г. и выдал знакомых ему членов

московского «Рабочего союза», раскрыв их конспиративные связи с другими городами³³. Активный революционер, впоследствии большевик А.Я. Никитин в своих воспоминаниях «Четверть века назад» писал, что Орловский кружок в 1895–1896 гг. поддерживал связь с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» через Акимова, а с московским «Рабочим союзом» через Кварцева, Колокольникова и Руму. Последнего мемуарист считал агентом Зубатова. Трудно сказать, была ли это aberrация памяти, или революционеры ошиблись, вычисляя предателя, или полиция специально компрометировала Руму, дабы отвести подозрения от Кварцева, или они оба являлись агентами? Так или иначе, в 1897 г. в Москве были арестованы И.Ф. Дубровинский, А.Я. Никитин, Л.П. Семенова, в Курске – А.М. Мухин, в Орле – Б.С. Перес и еще 60 молодых людей в Москве, Калуге, Курске и Орле³⁴.

Осенью 1897 г. Кварцев был направлен Зубатовым в поселок Бежица на Брянский рельсопрокатный и вагоностроительный завод – крупнейшее предприятие Орловской губ.³⁵, где организовал «Союз сознательных рабочих». Союз одновременно представлял собой конспиративный кружок с четкой дисциплиной и сложными правилами приема новых членов и кассу взаимопомощи с не менее жестким уставом. Именно устройством кассы взаимопомощи объяснялись популярность Союза и большое количество его членов (около 500 человек). Программа Союза и устав его кассы свидетельствовали о намерении бороться за экономические права рабочих при лояльности существующему режиму, что вполне соответствовало зубатовской политике в рабочем вопросе³⁶. Тем не менее в нем с самого начала шла непримиримая борьба «кварцевского» и революционного направлений. Радикально настроенные рабочие критиковали Кварцева за «нерешительность». Один из них, Н.Н. Лавринович, писал в своих воспоминаниях (уже в советское время): «Кварцев учил, что все надо добиваться законным путем, что стачки и забастовки в России не приносят никакой пользы»³⁷. Будучи студентом, Кварцев зимой уезжал в Москву, а весной, возвращаясь, продолжал свою деятельность. По утверждению рабочего-большевика Кучерова, именно Кварцев связал брянский рабочий кружок с кружком учащейся молодежи в Орле³⁸. Никитин вспоминал, что связь между Орлом и Брянском осуществлял Минятов³⁹.

В начале 1898 г. Кварцев передал Зубатову сведения о «Союзе сознательных рабочих», после чего некоторые его участники были уволены с работы без объявления причин, а другие арестованы. Однако сам Союз продолжал существовать вплоть до августовской забастовки 1898 г.⁴⁰ Сам Кварцев перебрался в Орел, где в это время действовал кружок знакомых ему социал-демократов. Отношения с Союзом он продолжал поддерживать через сознательного рабочего-революционера А. Сычева. В конце концов, желая «прикрыть» своего агента, Зубатов санкционировал его арест и осуждение на продолжительный тюремный срок и вятскую ссылку. Однако в тюрьме Кварцев заболел туберкулезом и в 1905 г. умер в Вологодской губ., по-прежнему оставаясь полицейским агентом⁴¹.

После ареста Кварцева молодые орловцы пытались встать во главе рабочего движения на Брянском рельсопрокатном заводе. На гектографе была размножена листовка «К рабочим Брянского завода», разбросанная 30 мая по его территории и призывавшая к забастовке⁴². Для подготовки к стачке в Брянск выезжали В.К. Родзевич-Белевич, В.А. Русанов, К.А. Турбина, О.А. Квиткин⁴³. Когда в июне в Бежице вспыхнул бунт, Квиткин и Родзевич-Белевич трижды ездили в это село.

Бунт рабочих в Бежице стал серьезным испытанием для местных жандармов. Причиной волнения явились попытки акционеров завода повысить его рентабельность за счет ухудшения положения рабочих⁴⁴. К январю 1897 г. зарплата на рельсопрокатном заводе была в 2 раза меньше, чем в 1894 г. Дирекция понизила расценки и повысила квартирную плату в рабочих казармах, а также плату за выпас скота на заводских землях. Таким образом, ухудшилось материальное положение всех категорий рабочих – и живших в казармах пролетариев, и мастеровых, имевших собственные дома с приусадебными участками. Действия низших административных служащих и мастеров, устанавливавших произвольные штрафы, только обостряли ситуацию. С апреля 1898 г.

рабочие заговорили о забастовке, которая должна была начаться 20 июня, в день 25-летия завода. Однако директор завода Андерсон упорно делал вид, будто конфликта с рабочими не существует.

Поводом для бунта послужило убийство по неосторожности сторожем завода Реутом 5-летнего мальчика. Поляк Реут показывал детям свое оружие, объяснял, как обращаться с револьвером, и неосторожно нажал на спуск. Пуля попала в Антона Кулькова. Пристав В.П. Квитницкий приказал перенести тело погибшего в морг, а когда рабочие отказались это сделать, повел себя грубо и оскорбительно. Возмущенные рабочие пытались избить Квитницкого, он убежал и спрятался, толпа же стала неуправляемой⁴⁵. 12 июня 1898 г. рабочие двинулись по Бежице к заводу, громя по пути лавки, магазины и пивные. На самом заводе было уничтожено дорожное оборудование. Выступление развивалось стихийно, члены «Союза сознательных рабочих» пытались даже остановить погромы. «Сам бунт свалился, как снег на голову, – вспоминал участник событий, рабочий Васильев (“Митрич”), впоследствии социал-демократ и большевик. – Отсутствие сил, неопытность ставили сознательных товарищей в положение простых зрителей событий. Напрасно некоторые товарищи пытались даже остановить движение, поняв невозможность руководить; такие попытки встретили резко отрицательное отношение со стороны взбунтовавшейся массы рабочих, и, соответственно, ни к чему не привели. Бунт шел под лозунгом: “Разрушай и жги”. Героями дня, ставшими во главе событий, оказались люди, которые менее всего отдавали себе отчет в происходящем. На гребне волны всплыл совершенно случайный элемент, и не мечтавший об организованном классовом движении»⁴⁶.

Бунт оказался полной неожиданностью не только для революционеров, но и для гражданских и полицейских властей. Быстрее всего сориентировались в ситуации оказавшиеся на месте волнений жандармские унтер-офицеры Григорий Иванов и Сергей Шаманов. Поскольку местная полиция и заводская охрана «оставили завод в начале беспорядков», они «несли обязанности наружной полиции» до прибытия дополнительных сил из Орла. Сначала Иванов и Шаманов пытались остановить толпу, но затем, поняв, что это невозможно, ограничились фиксацией происходившего для будущего следствия. Всю ночь с 13 на 14 июня вместе с патрулями прибывшей в Бежицу воинской команды они обходили завод, арестовывая активных участников беспорядков⁴⁷. Утром 14 июня, когда беспорядки уже прекратились, на место бунта для производства следствия прибыл штабс-ротмистр Д.Д. Петров и специально командированный из Орла унтер-офицер Стефан Извеков⁴⁸.

Предприятия Брянского уезда и после «Бежицкого бунта» оставались для орловских жандармов «головной болью». В ночь на 1 сентября 1898 г. на территории завода были разбросаны листовки. 3 сентября остановился механический цех, а на следующий день забастовка охватила уже весь завод. Продолжалась она до 11 сентября. Единственным ее результатом стал арест 220 рабочих⁴⁹. Одновременно жандармы захватили и членов орловского кружка учащейся молодежи, предъявив им обвинение в подстрекательстве к забастовке. В 1901 г. по приговору суда их выслали в Вологодскую губ. Тем не менее многие из них, отбыв срок ссылки, продолжили свою революционную деятельность⁵⁰. Только Русанов после ареста 1898 г. отказался от политической борьбы и стал исследователем Арктики⁵¹. Разгром кружка не остановил забастовки на Брянском рельсопрокатном заводе: они вновь происходили в августе 1901 г. и в мае 1902 г. В январе 1902 г. из-за задержки с выплатой заработной платы забастовала Радицкая стекольная фабрика⁵². Но в этих случаях руководство Орловского ГЖУ действовало более оперативно, своевременно командировав в Брянский уезд команды из других городов губернии⁵³.

В декабре 1900 г. был подготовлен к изданию первый номер газеты «Искра», тогда же возникла и подпольная организация по ее распространению. По свидетельству Л.Д. Троцкого, значительные группы интеллигенции проходили тогда через искровские организации, не вступая в РСДРП и в дальнейшем быстро эволюционируя из искровцев в освободителей и кадетов. «Искра» привлекала их скорее не как марксистский партийный орган, но «как боевая крайне левая политическая газета, которая не лезет за

словом в карман»⁵⁴. Став «первой ласточкой» новой свободной политической публицистики, она была обречена на успех. Через год вышла неонародническая «Революционная Россия», а в середине 1902 г. появился журнал П.Б. Струве «Освобождение».

В Орел «Искра» поступала по адресам Ю. Тарасевича, А.Н. Рейнгардта, С. Богословского, И.Н. Севастьянова⁵⁵. При этом адрес Рейнгардта служил искровской организации как явка, адрес Тарасевича предназначался только для изданий, Севастьянова – для изданий и писем, Богословского – только для писем. В журнале переписки Н.К. Крупской имеется адрес В.А. Оболенского, находившегося тогда в Орле в качестве ссыльного⁵⁶. При этом Рейнгардт и Богословский, активно сотрудничая с искровской организацией, не были социал-демократами, а принадлежали к народнической интеллигенции⁵⁷. Интересовались «Искрой» и активно сотрудничали с ее редакцией и будущие кадеты Оболенский, Н.С. Каринский, Е.Н. Колышкевич. «В те времена я был глубоко убежден, что борьбу с самодержавием бесполезно вести исключительно легальными путями, – вспоминал Оболенский, – а что нужно содействовать революции, подготавливая ее... Между тем революционное движение в России разрасталось, и я понимал, что вложиться в него смогу, лишь примкнув к одной из двух революционных партий. Я выбрал социал-демократов и стал членом тайного Орловского комитета партии»⁵⁸. Впоследствии он стал членом «Союза освобождения», членом ЦК кадетской партии, депутатом Государственной думы, а в годы Первой мировой войны вошел в масонскую организацию «Великий Восток народов России».

Вместе с Оболенским в социал-демократическом комитете активно работал и другой будущий видный деятель кадетской партии и депутат Государственной думы Каринский. На его квартире Перес готовил основу для мимеографа, с которой делали потом отпечатки листовок. Служила она и местом собраний. После Февральской революции 1917 г. Каринский стал прокурором Петроградской судебной палаты. Именно он в июле 1917 г. арестовал Троцкого и Ф.Ф. Раскольникова и подписал ордер на арест Ленина⁵⁹. По словам Оболенского, его правой рукой в орловском комитете был земский статистик Колышкевич. Тогда, «увлекшись марксизмом, он смотрел на мир через марксистскую призму, и казалось, для него ничего, кроме марксистской идеологии, не существует»⁶⁰. Затем Колышкевич превратился в анархиста и мистика, женился на саратовской помещице и незадолго до октября 1917 г. явился к Оболенскому в ЦК КДП, предложив свои услуги в качестве антибольшевистского агитатора⁶¹.

Орел явно не подходил для революционной работы. «Орловская молодежь впитывала в себя революционные настроения, – писал позднее Б.С. Перес, – организовывалась в кружки, лепившиеся около тех или иных поднадзорных, и, оперившись, обычно улетала в Москву или Петербург, где в большом проценте пополняла ряды активных работников. Редкий московский комитет или петербургский комитет не включал в себя орловцев. Но в самом Орле дела для партийных работников почти не было»⁶². Созданный после разгрома кружка учащейся молодежи социал-демократический комитет, сотрудничавший с редакцией «Искры», унаследовал тактику своих предшественников, «Орел был город малопромышленный, и потому вести в нем массовую с[оциал]-д[емократическую] пропаганду не было смысла, – вспоминал Оболенский в 1937 г. в эмиграции. – Поэтому через наш комитет велась пропаганда, главным образом на брянских заводах, куда от нас ездили студенты, переодетые рабочими (среди них упомяну П.С. Бобровского, впоследствии министра крымского временного правительства, с которым я до сей поры поддерживаю дружеские отношения). Комитет наш просуществовал около года, и скоро мы все потянули в разные стороны. Из нашей деятельности мне вспоминается теперь несколько эпизодов. Орел, в котором не велась пропаганда, был именно поэтому удобным местом для организации таких партийных учреждений, как склад литературы и типографии. Этими делами мы и занялись. Большой запас литературы был прислан из-за границы на мое имя в мягком кресле, в подушках которого под толстым слоем волоса было напихано очень много брошюр и листовок... Склад наш существовал благополучно и распространял литературу между пропагандистами.

С типографией дело вышло менее удачно. Нам прислали никуда не годный испортившийся шрифт»⁶³.

Кроме Оболенского, Каринского, Рейнгардта, Колышкевича, Бобровского и Б. Переса в комитет входили исключенные из университетов студенты В.С. Шмидт, М.Д. Синайский, гимназист С.А. Светлогорский. Они ездили из Орла в Брянск, распространяя там нелегальную литературу, и выпускали листовки mimeографическим способом. Основу для mimeографа на восковой бумаге печатал на принадлежавшей Каринскому пишущей машинке Б. Перес (тогда он служил у Каринского и говорил сослуживцам, что берет дополнительную работу)⁶⁴.

Однако вскоре Оболенский вышел из комитета, мотивировав это идейными расхождениями с социал-демократами⁶⁵. 18 апреля 1903 г. филером С.Д. Извековым был арестован Бобровский, направленный в Брянск с листовками, посвященными 1 мая. Узнав об этом, Рейнгардт и Каринский на время уехали из города и вышли из социал-демократического комитета без каких-либо заявлений. При этом их поступок осложнил положение арестованного: революционеры не смогли выпустить новый тираж листовки и тем самым снять с Бобровского обвинение в выпуске прокламаций, а не только в их распространении⁶⁶.

Благодаря действиям местных жандармов перевозить нелегальную литературу из Орла в Брянск становилось все труднее и опаснее. Возможность ареста курьера из Орла вызывала у брянских рабочих сомнения в силе РСДРП, что предопределило их разрыв с марксистами. «С партией большевиков мы как-то не ладили в первое время, – вспоминал рабочий-революционер А.Г. Волосастов, – а впоследствии совсем разошлись»⁶⁷. По предложению одного из нелегальных работников («Федора»), Бежицкая организация РСДРП присоединилась к социалистам-революционерам⁶⁸. Возглавил новый Бежицкий рабочий союз Партии социалистов-революционеров С.Н. Гончаров – один из организаторов забастовки, проходившей весной 1903 г., считавшийся до этого убежденным социал-демократом, но во время своей поездки в Николаев примкнувший к эсерам⁶⁹.

Это была самая сильная рабочая группа Северо-западной областной организации ПСР, она имела крепкие связи со Смоленском, Витебском и Рославлем. Во время революции 1905–1907 гг. Бежицкий рабочий союз ПСР имел даже свою собственную типографию⁷⁰. Своей организованностью, унаследованной от социал-демократов, Бежицкий союз выгодно отличался от других эсеровских групп, по словам В.М. Чернова, проповедовавших свободу форм, «граничащую с организованной расхлябанностью»⁷¹. 13 сентября 1903 г. в Брянске были разбросаны листовки «К рабочим брянских и мальцевских заводов», выпущенные от имени Партии социалистов-революционеров. Так заявил о себе Бежицкий рабочий союз. Но когда на следующий день рабочие-революционеры попытались раздавать листовки на ярмарке, трое из них (В.М. Кулешов, И.А. Шведов и А.Ф. Тимофеев) были задержаны самими крестьянами⁷².

В Орле социалисты-революционеры имели малочисленную, но очень влиятельную среди местной интеллигенции группу, организованную в 1902 г. Г.А. Гершуни⁷³. Орловская группа относилась к Центральной областной организации ПСР, хотя имела связи и с Брянском. В 1904 г. Особый отдел Департамента полиции уведомил начальника Орловского ГЖУ Сильницкого о существовании двух независимых комитетов ПСР в Орле и Брянске, связь между которыми поддерживалась Л.Е. Красновской («Песя») ⁷⁴. В Орле комитет возглавлял человек по кличке «Генерал», а в Брянске вел работу «Филин»⁷⁵. Однако кто скрывался под этими псевдонимами, выяснить тогда не удалось. Судя по данным, имевшимся в Орловском ГЖУ, в 1905 г. местную группу эсеров возглавлял заведующий сельскохозяйственным отделом губернской земской управы И.А. Цодиков. Его несколько раз арестовывали и освобождали под крупный денежный залог, жил он под надзором полиции⁷⁶. Имея связи с революционерами в Москве, Туле и Курске, Цодиков в сентябре 1904 г. выезжал под предлогом закупки сельскохозяйственных орудий для земства в Румынию, где мог встречаться с представителями

эсеровской эмиграции. Кроме него и Красновской, в группу входили Рейнгардт, Богословский, Н.С. Чистяков, Е.Д. Вагнер⁷⁷.

Чтобы спасти свою местную организацию от полного развала, социал-демократы Орла и Брянска создали объединенный Орловско-Брянский комитет. 21 декабря 1903 г. от его имени по Брянску было разбросано 103 листовки с подписью «Орловский (бывший Брянский) комитет» (с февраля 1904 г. все листовки выходили за подписью Орловско-Брянского комитета РСДРП)⁷⁸. В единой организации Орел представлял революционную интеллигенцию, а Брянск – рабочее движение. Скреплявшим их стержнем была нелегальная литература, поступающая от редакции «Искры» и ЦК РСДРП. Если сельскохозяйственный отдел земской управы являлся прибежищем эсеров, то в земском статистическом бюро работали в основном социал-демократы (Квиткин, Шмидт, Светлогорский)⁷⁹. Таким образом, в начале XX в. в Орловской губ., несмотря на противодействие полиции, быстро и динамично формировались две независимые друг от друга революционные организации.

Примечания

¹ Подробнее см.: Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16: политический сыск при царях. М., 1993; Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 38.

² Государственный архив Орловской области (далее – ГА ОО), ф. 883, оп. 1, д. 81, л. 50.

³ Там же, д. 78, л. 4, 161.

⁴ Там же, л. 230, 232.

⁵ 19 февраля 1904 г. студенту И.И. Гревцову писали в Москву со станции Верховье: «Дело было так. В 11 ½ вечера, когда народ собрался в комнате Анны Ивановны печатать прокламации к учащейся молодежи (эта прокламация печаталась из “Революционной России!” и имела три печатных листа – на гектографе, конечно), вдруг вошла полиция, и народ был накрыт на месте преступления. Насколько появление полиции было неожиданным, можно видеть из следующих фактов. Когда по коридору шел Орлов полицмейстер, то кто-то из присутствующих сказал, смеясь: “Вот идет полиция” – желая поугагать Булаву. Тогда Орлов [олицмейстер] им из коридора отвечал: “Да, полиция”. Но на его ответ никто не обратил внимания, думая, что кто-нибудь смеется. Когда Орлов [олицмейстер] подошел к двери, то его свободно впустили, думая, что это пришел кто-нибудь из отсутствующих. Только когда в дверях показалась серая шинель, все поняли, в чем дело, и остолбенели» (ГА РФ, ф. 102, оп. 232, 1904, д. 5, ч. 20, л. 16).

⁶ Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1998. С. 85.

⁷ «Летучий отряд» филеров или «Особый отряд наблюдательных агентов» был образован в 1894 г. при Московском охранном отделении и первоначально состоял из 30 человек. В 1902 г. летучий отряд был разделен на петербургский и московский, численность которых доходила до 70 человек (Лурье Ф.М. Указ. соч. С. 107).

⁸ ГА ОО, ф. 883, оп. 1, д. 125, л. 18, 24, 25.

⁹ Там же, д. 98, л. 55–53 об.

¹⁰ Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 585. Е.А. Преображенский (1886–1937), сын священника, окончил Волховское городское училище и Орловскую гимназию. В 1903 г. вступил в РСДРП и примкнул к большевикам.

¹¹ ГА ОО, ф. 1001, оп. 1, д. 13, л. 3.

¹² Бывший начальник Особого отдела Департамента полиции Л.А. Ратаев вспоминал: «Московское охранное отделение в силу своего центрального положения само собою было призвано в такой момент играть выдающуюся роль, но это значение еще усиливалось удачным подбором секретной агентуры и правильно организованным наружным наблюдением. Департамент, лишенный в такое горячее время какой-либо поддержки от провинциальных розыскных учреждений, стал по необходимости командировать людей Московского охранного отделения в те местности империи, где замечался острый подъем революционного движения... и таким образом Московское отделение сделалось как бы официальным центральным розыскным органом Департамента». (Былое. 1917. № 2. С. 195).

¹³ Лурье Ф.М. Указ. соч. С. 102, 349.

¹⁴ См.: *Перегудова З.И.* Указ. соч. С. 38. В 1826–1867 гг. в Орловской губ., входившей во II жандармский округ, находилась жандармская команда, в которой, помимо начальника и его адъютанта, состояли вахмистр, 3 унтер-офицера, 24 рядовых жандарма и 2 нестроевых писаря. (*Минаков А.С.* Образование и внутренняя организация Орловского губернского жандармского управления // *Истории русской провинции.* Орел, 2000. № 7–8).

¹⁵ В Орле и Брянске в 1894–1904 гг. вахмистрами служили Григорий Иванов и Григорий Сергеев, а в Ельце последовательно сменились Родионов, Алексей Кирюхин и Григорий Шашурин (ГА ОО, ф. 883, оп. 1, д. 52, 66, 73).

¹⁶ См.: Там же, д. 52, л. 5–24; д. 66, 73, 98.

¹⁷ Неизвестно, использовали ли орловские жандармы на рубеже XIX–XX вв. секретную агентуру. Списки секретных сотрудников сохранились в ГА ОО лишь начиная с 1905–1907 гг. Однако и до того начальнику управления регулярно выделялись суммы на секретные расходы (Там же, д. 98, л. 2 об., 74).

¹⁸ 1894–1895 гг. начальником Орловского ГЖУ являлся полковник Я.Т. Дудкин, в 1895–1900 гг. – полковник А.К. Щелотьев, в 1900–1904 гг. – полковник, а после – генерал-майор П.П. Сильницкий, с 1 июня 1904 г. до 31 апреля 1905 г. – полковник П.П. Глоба.

¹⁹ ГА ОО, ф. 883, оп. 1, д. 78, л. 3, 5, 7, 9, 11, 35, 37, 45. В Брянске в 1894–1904 гг. служили подполковник Н.Е. Новицкий, штабс-ротмистр, затем ротмистр Д.Д. Петров, в Ельце – ротмистр, впоследствии подполковник В.А. Шлихтинг, а после него ротмистр С.Я. Дудкин.

²⁰ Там же, д. 66, л. 11, 13, 26, 27, 28; д. 73, л. 15, 17; д. 78, л. 3, 4, 6, 7 об., 11, 12, 16, 20, 35 об., 37 об., 46 об.

²¹ Там же, д. 96, л. 19, 24, 31 ; д. 299, л. 7, 16.

²² Историки по-разному характеризовали эту недолго существовавшую организацию. По мнению И.П. Белоконого, «Партия «Народного права» стояла на той же точке зрения, на которой еще в семидесятых годах стояли представители земского движения». В.В. Широкова отнесла ее к группе революционных организаций, объединявших различные течения народничества, а В.Я. Лаврычев полагал, что «отказ от доктрины народнического социализма позволил привлечь в партию представителей буржуазного либерализма». К.Ф. Шацилло видел в ней прямого предшественника «Союза освобождения». Действительно, различий в программных требованиях обеих организаций нет, а среди народоуправцев было немало будущих деятелей «Союза освобождения»: Н.Ф. Анненский, А.Н. Максимов, П.Н. Милюков, А.В. Пешехонов, В.В. Хижняков, Н.Н. Черенков, В.Я. Яковлев и многие другие. См.: *Белоконосский И.П.* Земское движение. М., 1914. С. 46; *Широкова В.В.* Партия «Народного права». Из истории освободительного движения 90-х гг. XIX в. Саратов, 1972; *Лаврычев В.Я.* Общая тенденция развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX – начале XX века // *История СССР.* 1976. № 3; *Шацилло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. М., 1985. С. 57–58.

²³ ГА ОО, ф. 883, оп. 1, д. 46-а, л. 1–2.

²⁴ *Широкова В.В.* Указ. соч. С. 58–59, 62.

²⁵ Это могла быть как М.Н. Курпатовская, деятельная помощница А.Е. Серебряковой, так и сама А.Е. Серебрякова («Субботина», «Дама Туз»), возглавлявшая революционный Красный Крест и 24 года сотрудничавшая с Охранным отделением. Подробнее см.: *Перегудова З.И.* Указ. соч. С. 198; *Спиридович А.И.* Записки жандарма. М., 1991. С. 217.

²⁶ *Спиридович А.И.* Указ. соч. С. 43–44.

²⁷ ГА ОО, ф. 883, оп. 1, д. 46-а, л. 2–3, 5–6.

²⁸ Очерки истории Орловской организации КПСС. Тула, 1987. С. 11–12.

²⁹ Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. 1. М., 1992. С. 114; 1905 год в Орловском крае. Орел, 1926. С. 89, 91.

³⁰ Под «тому подобными» Перес, по-видимому, подразумевал А.Н. Рейнгардта, С.Д. Богословского и Н.Д. Каринского – известных орловских адвокатов и членов правления комитета народных чтений. В этот период они объявили о своей приверженности к марксистской теории (ГА ОО, ф. 1001, оп. 1, д. 13, л. 4).

³¹ Очерки истории Орловской партийной организации. Тула, 1967. С. 17.

³² *Заварзин П.П.* Работа тайной полиции // «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М., 2004. С. 443. Подробнее о С.В. Зубатове см.: *Перегудова З.И.* Указ. соч. С. 72–77.

³³ *Пирогов В.К.* Большевики Брянского машиностроительного завода в трех революциях. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. С. 16.

³⁴ 1905 год в Орловском крае. С. 90–91.

³⁵ Пирогов В.К. Указ. соч. С. 16.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 17; Очерки истории Брянской организации КПСС. Тула, 1968. С. 15–16; Очерки истории Брянской организации КПСС. Тула, 1982. С. 10.

³⁸ Там же.

³⁹ 1905 год в Орловском крае. С. 92.

⁴⁰ Из прошлого. Брянск, 1924. С. 3.

⁴¹ Там же. С. 5. Его разоблачение произошло только в 1960-х гг. Хотя Н. Бауман еще на II съезде РСДРП высказывал предположение о провокаторской деятельности Кварцева, улики против него не нашли. Работавшие с Кварцевым рабочие (например, Кучеров) отметили всякие подозрения. Так, вину за многочисленные аресты Кучеров возлагал на доносы представителей заводской администрации и несознательных рабочих, Никитин указывал на то, что в «Союзе» состоял разоблаченный впоследствии провокатор Гринфельд (1905 год в Орловском крае. С. 92). Только исследования брянских историков И.С. Яненко и В.К. Пирогова выявили связь Кварцева с Зубатовым. См.: Яненко И.С. Краеведческий материал в помощь изучающим историю КПСС. Конец XIX – начало XX века. Брянск, 1967. С. 111; Пирогов В.К. Указ. соч. С. 17.

⁴² Очерки истории Орловской партийной организации. С. 11.

⁴³ Очерки истории Орловской организации КПСС. С. 15. Квиткин родился в 1874 г. в семье отставного полковника Звенигородского полка, с золотой медалью окончил Орловскую классическую гимназию, в 1895 г. поступил на медицинский факультет Московского университета, но был отчислен за участие в Ваганьковской демонстрации.

⁴⁴ Необходимость реконструкции завода, скорее всего, была связана с крушением в 1898 г. синдиката «Союз вагоностроительных заводов», в состав которого входили Брянский, Путиловский, Русско-Балтийский, Коломенский, Мытищинский заводы и акционерное общество «Лильпоп, Рад и Левенштейн».

⁴⁵ Орловский вестник. 1900. 18 января.

⁴⁶ Из прошлого. С. 22. Через 2 месяца после Бежицкого бунта подобное же выступление произошло на заводе того же акционерного общества в Екатеринославле: на этот раз двумя сторожами-чеченцами был убит молодой рабочий (Орловский вестник. 1900. 28 февраля).

⁴⁷ За проявленную инициативу и усердие в службе начальник Орловского ГЖУ полковник Щепотьев выразил Шаманову и Иванову благодарность (ГА ОО, ф. 883, оп. 1, д. 52, л. 11).

⁴⁸ Там же, л. 16, 22.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Видными большевиками стали Дубровинский (погиб во время побега из ссылки в 1913 г.), Родзевич-Белевич (умер от чахотки в 1918 г.), Квиткин (после революции 1917 г. занимался статистикой, расстрелян в 1937 г.). М.С. Перес примкнул к меньшевикам, его брат, Б.С. Перес, участвовал в революционном движении до 1910 г., после чего сосредоточился на педагогической работе.

⁵¹ ГА ОО, ф. 1001, оп. 1, д. 13, л. 3.

⁵² Очерки истории Орловской партийной организации. С. 24.

⁵³ ГА ОО, ф. 883, оп. 1, д. 66, л. 27–28.

⁵⁴ Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 34.

⁵⁵ Переписка В.И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями России. 1900–1903. Т. 2. М., 1969. С. 129, 198, 202.

⁵⁶ Там же. Т. 2. С. 221; Т. 3. С. 57, 496.

⁵⁷ ГА ОО, ф. 883, оп. 1, д. 111, л. 178; д. 691, л. 33; ф. 1001, оп. 1, д. 13, л. 5.

⁵⁸ Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 231.

⁵⁹ Там же. С. 232.

⁶⁰ Там же. С. 233–234.

⁶¹ Там же.

⁶² ГА ОО, ф. 1001, оп. 1, д. 13, л. 3.

⁶³ Оболенский В.А. Указ. соч. С. 232.

⁶⁴ ГА ОО, ф. 883, оп. 1, д. 13, л. 7.

⁶⁵ Оболенский В.А. Указ. соч. С. 232, 236.

⁶⁶ ГА ОО, ф. 1001, оп. 1, д. 13, л. 9–10.

⁶⁷ Из прошлого. С. 10, 16.

⁶⁸ О переходе части членов Бежицкого комитета РСДРП в партию эсеров 4 февраля 1904 г. писал из Николаева заграничному отделу ЦК РСДРП В.П. Ногин: «С.-р. свили здесь довольно прочное гнездо, больше всего их на Черноморском. Проникли они сюда благодаря нескольким

рабочим, бежавшим с брянских заводов. Там, как вам, вероятно, известно, был устроен в большей мере трудом самих рабочих с.-д. комитет, который, благодаря малой деятельности орловцев, очутился осенью прошлого года в руках с.-р., пославших туда одного человека» (Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903–1905. Т. 2. М., 1975. С. 139.)

⁶⁹ Из прошлого. С. 12.

⁷⁰ ГА РФ, ф. 102, ДП ОО, оп. 232, д. 5, ч. 20, л. 123.

⁷¹ История политических партий России. М, 1994. С. 150. Не случайно видный деятель партии эсеров С.Н. Слетов, совершивший в 1902 г. поездку по России, не нашел никакой организации, похожей на партию, на местах имелись «просто группы работавших людей». Подобную же картину он наблюдал и в 1903–1904 гг.

⁷² ГА РФ, ф. 102, ДП ОО, оп. 230, д. 975, т. 2, ч. 2, л. 128.

⁷³ *Еремин А.И.* Общественно-политическая жизнь российской провинции: Центральный промышленный район. Орел, 1995. С. 21. По мнению Б.И. Николаевского, Гершуни приезжал в Орел для встречи с Брешко-Брешковской (*Николаевский Б.И.* История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М., 1990. С. 74).

⁷⁴ ГА ОО, ф. 883, оп. 1, д. 207, л. 3.

⁷⁵ ГА РФ, ф. 102, ДП ОО, оп. 232, д.5, ч. 20, л. 107.

⁷⁶ Там же, д. 1300, ч. 56, л. 31, 45.

⁷⁷ ГА ОО, ф. 883, оп. 1, д. 307, л. 65–68, 561–563, 589–590.

⁷⁸ ГА РФ, ф. 102, ДП ОО, оп. 232, д. 5, ч. 20, л. 1–2; Очерки истории Орловской партийной организации. С. 34.

⁷⁹ «Из среды бывших земских статистиков вышло немало крупных большевистских деятелей, – вспоминал Оболенский, – и едва ли я ошибусь, если скажу, что большая часть деятелей старой большевистской гвардии в какой-то период своей жизни прошла через земские статистические бюро» (*Оболенский В.А.* Указ. соч. С. 152).

© 2011 г. П. В. ГАЛКИН *

ЗЕМСКОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ НЕДВИЖИМОСТИ МОСКВЫ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ

По закону земский бюджет как на уездном, так и на губернском уровне формировался за счет окладных и неокладных сборов. К первым относились налоги с лесов и земель, с помещений фабричных и торговых заведений, с недвижимых имуществ в городах и жилых домов в уездах. Неокладные сборы включали в себя судебные пошлины, шоссейные сборы, пособия от казны и доходы с принадлежащего земству имущества и капиталов. Московское губернское земство в первые десятилетия своей деятельности основные доходы получало с документов на право торговли и промыслов (до 70%), причем большую часть их составляли суммы, собиравшиеся с предпринимателей Москвы. Это происходило потому, что губернский центр не являлся самостоятельной земской единицей, а москвичи, наряду с жителями губернии, были обязаны уплачивать земские сборы. При этом вопрос об обложении недвижимости Москвы долгое время земцами не поднимался. Ситуация изменилась в начале 1890-х гг., когда все сложнее стало обеспечивать земские расходы. Для пополнения доходной части сметы, по сути, имелось два возможных пути: поднять процент обложения на существующие предметы

* **Галкин Павел Владимирович**, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Коломна).